
Владимир КОВАЛЕНКО

РАССКАЗЫ

ЖЕНЩИНЫ В БЕЛЫХ РУБАХАХ

Расторгнем узы их и свергнем с себя оковы их
Пс. 2:3

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Город, по которому я возвращался домой, казалось, приготовился к осаде. Я пробирался по нему, уподобляясь неприкаянной душе на забытом еврейском кладбище. Обстановка похожа на предвоенную, когда все события уносятся куда-то далеко в непрозрачную сероватую пустоту. Я сам не знаю, но об этом мне когда-то рассказывала моя еврейская прабабушка. Быт уничтожен, все живет какой-то своей жизнью, троллейбусы и автобусы решили передвигаться самостоятельно, и бывает, что не уехать домой. Идешь по городу, ждешь сирену: «Уважаемые жители и гости города...» В покинутом историческом центре раскинувшиеся каналы напоминают затопленные дождями окопы. Страшно подойти к ним, ведь из темных вод на тебя взглянут мертвые глаза уничтоженного батальона. Я не подходил к каналам. Разорванная в клочья форма и брошенные винтовки. Ржавые гильзы, оставленные лошади, дырявые барабаны. Сотни мертвых глаз. Иду по городу в надежде добраться домой, но такси слишком дорого, а транспорт не ходит. Мимо снуют серо-синие тени с красными линиями на спинах, эти тени жаждут получить от тебя пропуск, которого нет, равно как и денег на штраф. Бегу проходными дворами. Горящие огни в домах: каждый — жизнь, каждый — своя вселенная, свой очаг. Домашний очаг, у которого столетиями женщины в белых, расшитых рубашках собирали детей, чтобы накормить их и рассказать сказку, рассказать про историю семьи и про Бога. Куда делись эти женщины в белых рубашках?

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Чем дальше от центра, тем холоднее. Дождь жирнее и сочнее, как будто на небе воду смешивают с высокооктановым бензином. Урны завалены пустыми банками из-под пива и сивухи, под ногами чвакают мокрые окурки, а неработающие фонари больше похожи на виселицы для грядущих революций и бунтов. Скоро ОНИ выберут себе цвет для флагов, ведь неважно, какого цвета флаг у революционеров — черного или

Владимир Дмитриевич Коваленко родился в 1996 году. Окончил СПбГУ. Старший преподаватель СЗИУ РАНХиГС. Публиковался в журналах «Дистопия», «Дискурс», «Найти лесоруба» и «Дон». Романы выходили в издательствах «Красный матрос», «Пламень», «Магреб».

красного, синего или радужного. История рифмуется, и в ней чем глубже погружаешься, тем больше постигаешь главный локомотив человеческой истории, в которой и так уже трудно потеряться. Намного проще потеряться во дворах окраины, идя на свет домашних очагов, вспоминая мамины руки, поэтому я спрятался под навес, где на меня смотрит промокший разносчик еды. Он выжат, голодные волчьи глаза устремлены в телефон, из которого в нашу реальность пробивается железная система, для которой есть только цифры и красные полосы на брюках и спинах серо-синих теней. Она сожрет доставщика, а потом ОНИ придут жрать ее. Только выберут цвет для флага. Локомотив человечества — это глупость и случай в разных пропорциях, разных соотношениях, но, кроме них, у людей ничего и не осталось. Полки на площади, флаги, столбы, матросы. Все повторится.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Я иду вместе с разносчиком по улице, мы не сговаривались, не проронили ни слова, но идем вместе, правда, не знаю куда. Он курит дешевые сигареты с кнопкой, а мне неудобно попросить у него одну. Пока я иду с ним, есть шанс, что до меня не дотянется всеохватывающая Рука серо-синих теней, что в глаза не посмотрят отблески Московского Царя.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Мой домашний очаг давно потух, в небольшой квартире нет никого, кроме меня и светящихся сотнями окон гигантских домов снаружи. Раньше здесь был свой очаг, ему на место пришли короткие встречи и редкие искры, в которых каждый видит и слышит только себя. Теперь в этой квартире я не чувствую домашнего уюта, теперь я его нигде не чувствую. Я не включаю свет, а просто сажусь на стул и смотрю на чужие горящие окна во дворе. Когда смотришь в окно, вспоминается та самая тюрьма без надзирателя с прозрачными стенами и одним глазом наверху. Кажется, что я и есть этот самый глаз, который созерцает все происходящее в мире, как будто я глаза самосознающего Господа, чей взор устремлен не наружу, а в себя.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Иногда я смотрю из окна на проезжающие по двору машины с красными крестами. Эта жизнь, преисполненная наивности и святой глупости, всегда казалась мне чем-то ненужным. Когда под окна приезжает машина с красным крестом и тебя выносят запакowanego, как курицу гриль. Вся жизнь людей свелась к ненужному и глупому. Просвещение обмануло нас, эпоха Просвещения, эпоха великих идей и идеологий, становления партий и революций обещала нам свершения и новое общество, обещала рай на земле. А вместо него люди могут купить себе садового гнома, чтобы поставить его в пятнадцати метрах от своего дома. И ни метром дальше.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Я поручик Императорской армии, пробирающийся по тылам красных. Вокруг красные, одни красные. А Императора уже нет на белом свете, давно нет, а императорская армия осталась, и поручик остался — вот и вся армия. Бреду, натянув на голову шапку по-крестьянски, смотрю в землю, чтобы не схватили, чтобы не отправили в ЧК. Хотя какой я поручик Императорской армии с моим происхождением. Как и мои предки, я должен быть в рядах ЧК. У одной прабабки фамилия Рубина, у другой Штейн, забавно. У мамы была совсем другая фамилия после морока советской власти. После морока и женщин в белых рубахах у очагов не осталось. Что же мы на своем поле как подпольщики, как крестьяне, прикованные к своему наделу до выкупа, в своем городе как молочные поросята на убой, каждый в своем хлеву. На другой стороне улицы показались две сине-серые фигуры. «Стой!» — кричат они. Им нужен пропуск, а пропуска у меня никакого и нет, как и денег на штраф. Поэтому я удираю, как могу, бегу по холодным весенним улицам и дворам, пустынным и промерзлым дворам. А в спину мне смотрят из окон крестьянские глаза.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

На улице Маяковского не было ни души, как будто чума съела всех. Не было ни одной живой души, только две прозрачные тени искали что-то в пробивающейся траве. Ищите и обрящите, дорогие. Каждый борется с действительностью, как может, насколько хватает его смелости, фантазии и глупости, так не судите детей и стариков, что поддаются искушению уйти в зыбкие поля дурмана. Они в итоге все боятся, боятся смерти и ищут Бога, но в густом тумане все дороги ведут в другую сторону. Я проходил мимо церкви, из окна которой до меня долетала грустная мелодия вечера, храм был пустой, до служб никого не допускали серые тени. И только два одиноких батюшки служили перед Его лицом. Перекрестился.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

В баре было полно народа. На воздух можно было вешать топор, курили внутри, на улицу выходить нельзя, потому что засекут. Серо-синие тени не только штрафовали, но и уносили весь алкоголь, кассу из бара, иногда прихватывали чей-то телефон или кошелек на нужды революции, затянувшейся на столетия. Во время тотального бесправия им было можно, и никто не способен помешать. Поэтому окна закрыты картонками, света почти нет, путаешься в людях, стряхиваешь пепел мимо баночки из-под сметаны, бармены наливают пиво мимо кружек, оплата только наличными или переводом. Играет джаз, люди в пиджаках и платьях пьют и веселятся, темнокожий трубач выдувает медь. Каждую секунду могут нагрнуть копы. Я снова оказался в благословенных тридцатых, я снова запускаю руки в карманы длинных брюк и поправляю клетчатый пиджак, а еврейская девушка напротив меня впервые попробовала виски. Теперь

она сверлит меня глазами, несмотря на итальянца, вьющегося вокруг нее. Неожиданно мы оказываемся в центре зала и кружимся в танце, смеемся, я обнимаю ее за талию, а она прижимается ко мне своей нежной щекой. Сначала сквозь картонки видны тени, они увеличиваются, и вот уже серые гвардейцы чуть ли не выламывают дверь, а мы уносимся через черный ход и убегаем дворами. Она смеется, у нее есть бутылка вина в шоппере, и мы гуляем по дворам, собирая наш разбитый отряд, говоря полусшепотом. Сквозь зеленое стекло мир казался совсем не таким, к какому я привык, огромный город вокруг расплывался вместе с закрытыми кафе, музеями, театрами, метро, на котором уже не поехать домой, уткнувшись в подмышку мужику с двумя огромными сумками.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Девушка улыбается. Я не знаю ее имени, но каберне шепчет мне, что мне нравится ее улыбка. Я не могу отказать каберне, кто я такой, чтобы отказать каберне? Она не любит питерцев, потому что сама хочет быть питерцем, но не может по праву рождения, как и я. Несмотря на то, что я родился в Городе. Между питерцем и петербуржцем есть огромная разница, ведь петербуржец — это потомственный житель города, его костяк и его корпорация, настоящие граждане своего государства, готовые единым строем гоплитов затоптать любого, кто посягнет хоть на кусок плитки в их родном месте. Питерцы — другая порода, обычно два поколения родившихся в городе, чьи предки переселились сюда после блокады.

Девушка ненавидит питерцев, но лишь потому, что сама хочет быть питерцем, но ей сподобилось родиться в Самаре, а не в Петербурге, поэтому она ищет с ними любых возможных контактов, но когда не получается, вспоминает о своих «корнях из народа».

«Твой же отец офицер, — спрашивает она у меня, отпивая вино, — я правильно помню?»

Да, мой отец русский офицер, а мама крещеная еврейка, поэтому моя судьба сложилась так, что я провел жизнь вдали от родного города, но рассказывать хоть кому-то о «малой родине» здесь не имеет смысла, ведь современная Северная Венеция — это город мигрантов, а мигранты невыгодно отличаются комплексом неполноценности, поэтому стоит тебе упомянуть хоть что-то о «регионе», как на тебя посыплется залп похлеще, чем из артустановки «Град».

А у нас в Уфе, Люмен, слышал? Там главная улица, в Саратове набережная, а там еще бамбук растет, Бугульма, поселок такой, Стасон Сизый, рэпер, не слышал, что ли, наш с Краснодара. У нас в Ростовском университете случай был такой, я из Набережных, ты че, Летова не уважаешь, земляк мой!

И каждый норовит рассказать тебе про горячо любимый Таганрог или Нижний Новгород, который и в страшном сне не приснится теперь, но, отталкиваясь от которого так удобно создавать свою личную индивидуальность. Поэтому даже про свой уникальный край я предпочитаю не рассказывать, как и о своем русско-еврейском происхождении, чтобы не вызвать на себя огонь прямой наводкой из ностальгии и панибратства. Но ей я проболтался о родословной и теперь вынужден терпеть заделы на родство:

«Офицер, значит, ну у меня так же, папа бизнесмен. И что, что бизнесмен, главное, что мужик суровый, настоящий мужик, такой, как твой же. Ты ему доброе утро — он тебе на в морду и пятьдесят отжиманий, ты ему — кофе принесешь, он тебе поджопник

и сто подтягиваний, да-да, ведь мы из регионов такие, суровые, вот мой отец, и ладно, что бизнесмен, зато военник есть, от армии как-то откосил, поэтому почти офицер, он же мог на даче с видом на реку Самару мне комнату не давать? Мог ведь, чтобы я на полу спала, да какое на полу, на улице, на холодной земле и лопухом укрывалась, мог ведь, суровый ведь мужик, региональный, наш, от земли, так что почти офицер, а Самара почти Мурманск, так что мы с тобой почти брат с сестрой, родные души, мы же оба здесь чужие, как и все остальные приезжие, как и все питерцы на самом деле, вокруг трудно найти хоть кого-то здешнего, кого-то своего».

Все какие-то посторонние и неприкаянные.

Я трачу последние деньги на такси, чтобы мы оказались дома, где снова не зажигаю свет. Если она и говорила свое имя, то я его не запомнил. Между нами нет никакой стены, нет ни маски, ничего остального. Люди вокруг умирают сотнями, поэтому смысла не играть в эту викторину я не вижу, все равно не сегодня, так завтра меня вынесут запакованным в фольгу, как курицу гриль. Когда все потухло и она уснула, я снова смотрю в окно и вижу весь мир, словно я и есть тот самопознающий себя Бог, словно я и создал человека, чтобы познать самого себя. А в душе трепетала радость, что если у меня дома остались одни угли, то где-то еще есть домашние очаги, а значит, будут и матери в белых рубашках с теплыми нежными руками, которыми они обнимут своих детей. Самое страшное — необнятые дети.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Сначала заболело горло и появился слабый кашель. Я думал, что слишком долго гулял по городу этой ночью, но чем дальше, тем становилось хуже. Постепенно в легких начало жечь, заболело сердце, я только и делал, что спал и отпаивался чаем, пока тот не иссяк, и тогда решил броситься к магазину за пачкой чая и гречкой, чтобы хоть что-то съесть. Стоять было трудно, меня шатало, ноги проваливались сквозь землю, на улице обдувал ветер, а мелкие капли кололи глаза и щеки. Свинцовое небо укрывает город, словно простыня. Но она кажется знакомой, теплой, домашней и маминной. Мама всегда заботилось обо мне, даже когда я и не болел, боялась, как бы чего не вышло, и я привык быть укрытым теплой маминной простыней. Именно через маму я впитал тот утраченный Древний Восток, любовь к мистике, кудрявые волосы и характерный нос. Я готов упасть здесь и сейчас на грязный асфальт, только чтобы моя заботливая мама убаюкала меня, погладила нежными руками, а наутро станет легче, горячий металл из легких откачают. А сейчас я вижу маминны глаза, в них вижу еврейскую слободу, затерявшуюся где-то между Польшей, Россией, Беларусью и Украиной, своих предков, собирающихся в синагоге, бредущих через германские земли. Чуть не упал на асфальт, все тело трясет, в ушах слышится неразборчивый шепот, в палатке с фруктами воскуряют благовония и приносят жертву Ему. Львы с рекламного плаката смотрят на меня, как будто эти львы защищают свиток Торы. Я оставляю шкурку позади и вижу десять рассыпанных яблок у дороги, обхожу, чуть не падая замертво, хватаюсь за сердце. А сотни моих предков идут и идут из Рима, бегут из плена египетского и вавилонского, умирают в газовых камерах и смотрят, смотрят на меня как на предателя, как на покинувшего. Тут же раздаются иерихонские трубы, сейчас начнется атака, и тысячи сынов Земли обетованной кровью докажут свое право на свою Родину. Раздается сирена, я не слышу слов объявления, они сливаются для меня во что-то непонятное, становятся похожи на шепот в ушах, и постепенно я различаю, как над городом гремит:

Шма Исраэль Адонай Элоэину Адонай эхад.

И проходящий мимо отец ведет сына на холм.

В сердце нещадно жжет. Свет в глазах начинает мерцать, сквозь помехи я улавливаю отблески пробивающегося тусклого солнца.

Первое, что я вижу, золотой крест, и я ковыляю к самой ближайшей постройке — к закрытой от всех церкви, куда может войти только пара батюшек. У церкви стоят серо-синие тени, но не подходят ко мне, а ждут, смотрят, чтобы выписать штраф. Не хватает сил, держусь за сердце и стекаю у входа в храм в холодную весеннюю грязь.

Ничтожество, пыль дорожная, крещеный еврей, предатель — смотрят на меня тысячи глаз из глубины веков.

Я — колос без корней, срезанная верхушка дерева, не русский и не еврей, нет ни русского, ни еврея, ни эллина.

Се человек.

Уважаемые жители и гости города! Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача. В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Надо мной склоняется белый силуэт и спрашивает, где я был, с кем виделся, рот и горло жжет, я не могу говорить, потому что долго дышал через трубку. Я не могу вспомнить ее имени и не могу назвать бар, в котором мы были. Из меня не выдавливается ни одного слова. Пока они идут моим жженым горлом, теряют всяческий человеческий облик, и белый силуэт слышит лишь всхлипы. Холодно и одиноко, никого не пустят посмотреть, как я горю. Мне нужно, чтобы мама укрыла меня, а здесь все чужие, закрытые слоями защиты, как и все остальные приезжие, как и все питерцы на самом деле, вокруг трудно найти хоть кого-то здешнего, кого-то своего.

Почувствовать мамины прикосновения.

Перед глазами снова мой двор, который вмещает целый мир. А в душе трепещет радость, что если у меня дома остались одни угли, то где-то еще есть домашние очаги, а значит, будут и матери в белых рубахах с теплыми нежными руками, которыми они обнимут детей.

КОЛОДЕЦ СО ЗМЕЯМИ

Сначала на улице завывла сирена.

Голос диктора привычно объявлял:

Уважаемые петербуржцы и гости города!

Звук проникал в квартиру сдавленным, тихим.

Если бы я не был один, то наверное, не услышал.

Как вчера.

Как позавчера.

И ранее.

Какой сейчас день недели?

Щелкнул выключатель.

На секунду крошечная тьма коридора была разрезана электрическим светом. Но почти сразу же лампочка издала шипящий звук и лопнула. На пол посыпалось стекло. Я стоял один в темноте, и сплошную тишину коридора нарушали только испугавшийся, тяжело дышащий кот да постукивание дождя по подоконнику.

Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача.

Коридор снова заполонила тьма. От него сразу направо еще один коридор, где ванная, туалет, кухня, за кухней балкон. Чуть дальше, справа и слева — комнаты, а напротив меня — чулан.

Только свет фонарей зловеще проникал сквозь окно да дождь барабанил по карнизу.

...В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Коридор заполонила тьма, и в ней чем сильнее вглядываешься в сплошную, чернильную пустоту, тем отчетливее вырисовывались очертания лиц, глаз, зубов, ресниц, хвостов, копыт, слышалось движение, легкие шаги.

Я моргнул.

Тьма осталась на месте.

Из тьмы ко мне вышел кот, сверкая глазками.

«Уважаемые петербуржцы и гости города...» — пошло по второму кругу.

Веник, совок, новая лампочка из чулана, табуретка, скрип цоколя о патрон — так обглоданная кость скрипит об обглоданную кость.

Щелкнул выключатель.

Коридор снова освещен светом маленькой искусственной звездочки. И я, как первая планета, как одинокий спутник, как единственная комета, верчусь вокруг этой пусть и небольшой, но звезды.

Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача.

Двигаясь по холодному коридору на кухню, где меня ждет чайник, я напоминал сам себе лишенный тормозов поезд метро. Мне казалось, что вот-вот — и я врежусь в дверь, проломлю ее, сойду с рельс, вырвусь на платформу, сметая и давя сотни людей своим синим железным телом.

...В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

Но в последний момент включается тормоз, и я аккуратно вхожу на кухню. Тут все как всегда — ничего интересного, кроме нашего фото. То самое глупое фото, где мы вдвоем улыбаемся, словно будем жить вечно и никогда не умрем, фото с отдыха, фото, напечатанное на дешевом магните. Оно висело на холодильнике, но после всего я снял его и убрал, запихнул в глубь дальнего кухонного ящика, укрыв полотенцами и скатертями.

Но что-то подсказывало мне: оно там. Фото шевелило глазами, двигало губами, смотрело на меня двумя парами глаз, видело меня, чувствовало. Сколько раз сквозь

полотенца и скатерти я лез к нему, вырывая, вытаскивая наверх этот островок ненужного и забытого, чтобы удостовериться в его неживой природе.

Все как обычно — просто фото на дешевом магните. Но потом я кладу его обратно, накрывая полотенцами.

«Выбрось, выбрось, оно тебе не нужно!» — слышал я в голове, но каждый раз отвечал сам себе:

«Зачем? Зачем, ведь я ее убрал, зачем ее уничтожать. Вдруг оно еще пригодится?»

Из коридора до меня донеслось чье-то низкое и скользкое:

«Не пригодится».

«Ица, ица» разнеслось по квартире эхом, как в просторном склепе, где живет один покойник, как в колодце, как...

Мурашки пробежали по телу. Пол затрясся, покачнулся, потолок перевернулся, поезд влетел на станцию, размалывая колесами людей, матерей, отцов, детей, сбивая своей синей броней позвоночники, раскалывая черепа, превращая внутренние органы в фарш, месиво, лужу, жижу, съедая десятки жизней.

«Станция... Осторожно, двери...»

Я пришел в себя.

Все было хорошо.

Фотография смотрела из ящика. Я видел ее улыбку. Нечеловеческую, жуткую.

Щелкнул чайник.

Вода вскипела.

Я опять сидел один и пил чай, обжигая губы горячим, зеленым. Кот сидел на соседнем стуле и смотрел на меня обычным кошачьим загадочным взглядом.

Все хорошо. В моей жизни не все так плохо на самом деле, только чай горячеват, а в остальном же все в порядке. Я жив.

Я жив?

Жив...

Ну, раз я чувствую горячий чай, значит, я жив, а это уже неплохо. Жизнь дана один раз, а значит, ей надо радоваться, даже если она тебе не нравится.

Стоит пробовать жить, потому что, кроме этого, нам ничего не остается.

И я живу.

Я застрял в этой квартире на месяц. А может, и больше. Это квартира моей жены. Бывшей жены. Недели две назад, аккуратно до того, как диктор начал зачитывать мантру ложным богам, она уехала. Возможно, здесь был виноват я. Я что-то не сделал, недоглядел, не построил. А она решила поменять свою жизнь — новый город, новая работа, подруги. Новый мужчина.

Новая жизнь, запах свободы, запах приключений, ощущение, что тебя вперед несет быстрая река, своими заботливыми волнами оберегая от острых камней и торчащих веток, это опьяняющее, окрыляющее чувство чего-то необъяснимого, чувство поворота на горной дороге, когда после плавного движения открывается сногшибательный вид на море, горы, небо. Небо, уносящееся вдаль, в космическую бесконечность.

А я остался где-то на обочине, отплеывая пыль.

Кажется, никогда еще люди так сильно не переживали из-за жилищного вопроса, этих бетонных склепов, не искали так судорожно деньги, чтобы выплатить долги. Но не подумайте, моя жена, моя бывшая жена позволяет мне здесь жить, она благосклонна, она позволяет здесь жить на время самоизоляции без платы. А потом я найду новую крышу над головой. Не подумайте, она проявила себя хорошо, даже когда женщина тебе изменяет и уничтожает тебя, выжигая, вымораживая, выкорчевывая твои чувства и веру в любовь, она может держаться человеком и поступать более-менее честно.

Или ей просто все равно.

Щелкнул выключатель — это кот зачем-то прыгнул на стенку и случайно задел белую кнопку. Во тьме ко мне тянулись тысячи рук, тысячи пальцев, сотни лиц и шаркали тяжелые ступни.

Кот чихнул.

Все прекратилось.

Вот уже пару дней я не могу уснуть. Морфей, этот жуткий, злой и безнравственный шутник, сидит на краю кровати в сполохах черных искр и улыбается белыми зубами. Этот противный, мерзкий, предательский бог смотрит впалыми, бездонными и пустыми, как бездна самого глубокими сна, глазами. Сквозь сумрак своей спальни, сквозь стук дождя по подоконнику видны его белые-белые зубы и черные-черные глаза.

Голова, как лодка, севшая на риф, дает течь. Заполняется соленой водой мыслей. Они проникают литрами, смешиваясь с серым веществом, разжижая его, кусая, вырывая куски черепа. А на потолке остаются дырки, просверленные глазами, из которых льется тьма, чернота, бессонница, наполняющая веки колючим песком. Ты лежишь в спальне, а фотография смеется, заливается хохотом, из коридора несется скользкое «не пригодится», Морфей улыбается белесыми зубами.

«Ица-ица» — разлетается по склепу!

«ИЦА-ИЦА» — несется, как поминальная над покойником.

«Не пригодится!» — подбирается к кровати, Морфей обнимает это скользкое и липкое, а оно лезет к тебе, к горлу, к лицу, к ушам, заползает внутрь.

Ты вырываешься из постели, вырываешься из объятий одеяла, бежишь в коридор, включая попутно свет во всем доме, оттуда в другую комнату, падаешь на колени.

Желтый свет.

Испуганный кот смотрит, недоумевая.

Тихо. Нет ни Морфея, ни Ица, ни смеха. Ты стоишь посреди пустой комнаты. Там, внизу, десяток таких же комнат, наверху еще пять. Влево, вправо — не перечеть. Какой день подряд там безвылазно сидят люди?

А фотография ехидно улыбается.

Пляж. На секунду кажется, что ты лежишь на теплом песке вместо пропотевшей постели. Легкие лучи солнца касаются твоей кожи. А на песке постепенно вырисовывается ее лицо, ее губы, глаза, они смотрят, а потом исчезают, и снова пустота и тьма.

Ица!

Дверь.

Я же закрывал дверь, я проверял, что я закрывал дверь, я проверял, я точно помню. Но.

Вдруг ее кто-то открыл? С той стороны. Вдруг кто-то нарушил мою изоляцию? Или с этой. Вдруг это даже сделал я сам?

Я не мог. Я не мог нарушить самоизоляцию! Не мог!

Надо, надо пойти и проверить дверь, надо пойти и проверить, закрыл ли я ее.

Один оборот!

А надо два, значит, я закрывал, значит, никто не мог ко мне проникнуть, значит, я не мог никого пустить. Значит, я законопослушный гражданин! Значит, я молодец!

Возвращаюсь обратно к постели. Темная комната напоминает вырытую яму, чьи темные стены состоят из жирного чернозема, из которых хищные, ползающие черви тарачатся на тебя своими пустыми, слепыми рожами.

За окном разлегся укутанный ночной дымкой холодный ночной город. Промозглое небо, охваченное красным электрическим заревом, темные, похожие на надгробия старого детского кладбища многоэтажки. Уходящие вдаль дома напоминали марсианский пейзаж: казалось, что будущее уже пришло, а мы не заметили и оказались

в пространстве огромных, бесформенных домов, бессмысленной жизни и ненужного человека.

Сам человек потерялся среди домов и надгробий. И исчез.

Я услышал шорох в коридоре, как будто кто-то прошел тяжелыми, липкими ногами по полу. Человек, у которого дома есть кот или другое существо, не будет одинок, он не будет бояться упавших вещей, странных шумов и, вообще, всех ночных призраков, нападающих на обычного человека.

Но шаги повторились. В другую сторону. А потом послышался стук в дверь. Кто-то сильно бил о металл. Коридор, дверь, разрывающаяся от ударов, глазок.

За ней в свете тусклой лампочки стоял человек, человек в черном костюме, в белой рубашке, с красным галстуком и головой кролика. Голова была покрыта белым мехом, впереди поблескивал влажный розовый носик, венчали голову два больших, неестественно огромных уха, и только глаза были человеческие и безумные.

Мистер Кролик бил в дверь правой рукой, шелкая огромными передними зубами.

Я отшатнулся от двери, правую ступню пронзила острая, режущая боль. Не помню, как я упал, не помню, как пришел в себя и как стук прекратился.

Темный коридор, кровь, вырывающаяся из ступни, пульсирующая боль, тишина. Кое-как поднимаюсь и смотрю в глазок, там никого нет, только желтый свет лампочки. Кусок стекла воет нещадно в ране, я, шелкая выключателем, встаю на одну ногу. Коридор кажется больше, кажется, что он увеличился раза в полтора или два, но сейчас надо вытащить стекло. А потом думать о коридоре и кролике, боже, что со мной происходит? Может, это розыгрыш? Да, скорее всего, какие-нибудь дети развлекаются, нацепив маску.

Маска!

Нужно найти маску, вдруг меня заразят.

Кусок стекла выпадает из ноги вместе с брызгами крови, на полу небольшая лужица. На секунду я открываю дверь, в желтушном свете мне предстают выемки, впадины на двери, похожие на лунные кратеры после удара метеорита. И в подъезде, откуда-то с лестницы, звучит постукивание кроличьих зубов: «цык, цык, цык, цык».

Я моментально закрываю дверь и проворачиваю все замки до упора.

Разберусь завтра, а сейчас, сейчас пора убрать кровь и стекло. Иду за веником и совком. Открываю дверь чулана, нащупываю веник, и вдруг под полкой с шапками обнаруживаю небольшую белую пластиковую дверцу, такие ставят в ваннах над счетчиками, только больше. И ведь я раньше ее не замечал, не видел, не знал о ней.

Аккуратно открыл дверцу, оттуда пахло мокрой землей, легким сладковатым ароматом и сыростью.

А потом сразу же засмеялась фотография на кухне, она засмеялась так, что я вздрогнул, шлепнул раненой ногой об пол и свалился в открытую дверцу. На полу была разлита холодная вода, а под ней как будто смотаны толстые провода. Вдруг провода встретились, разбежались из-под меня, а потом стали заползать на грудь, ноги, живот, руки, лицо.

Змеи.

Большие, маленькие, черные, красные, шипящие и молчащие, испуганные и рассерженнные, они лезли на меня огромным бесформенным клубком, сплетаясь между собой, медленно заползая мне в уши, нос, рот, пытаясь выколоть глаза и вползти в глазницы, добравшись до самого мозга.

Фотография смеялась, а я пытался откинуть змей руками, бил ногами, кричал, но, казалось, не было им числа — скользким, мокрым, извилистым. Вода попадала мне в рот, нос, я начинал захлебываться, когда, собрав все силы, рванул наверх, вцепившись руками в открытую дверцу, подтянулся, закинул одну ногу, вторую, вылез.

На руках, ногах, на теле еще висели, вцепившись, как пиявки в кожу, небольшие полосатые змееныши, я стал скидывать их, вырывая руками вместе с кусками мяса, кровь лилась на пол, а фотография смеялась все громче и громче, в дверь снова ударили, на общем этаже раздалось «цык-цык», отчеканенное двумя огромными зубами, из коридора неслось «Ица-Ица! Она не пригодится!», а Морфей мирно спал рядом на лежанке для кота. Из чулана повалили змеи, они выпадали из двери сплошным потоком, надвигаясь на меня стеной цунами, заполняя квартиру.

«Не пригодится».

Я рванул на кухню, синий состав бросился сквозь подземное пространство. Открыл ящик, выкинув все ненужное барахло, и начал рвать на части оглушительно смеющийся магнит. Она смотрела на меня и смеялась, а я не мог его разорвать. Она смеялась, а я не мог, не мог порвать.

Тогда под руку попались баллончик с дезодорантом и зажигалка, я чиркнул кремнем и нажал на дозатор, вспыхнуло пламя, картинка на магните стала скукоживаться, загорелись скатерти, салфетки, полотенца, загорелась сама кухня, а мои колени уже ласкал сплошной поток змей.

Я бросился на змей с двойным усердием и боролся, пока мой баллончик не иссяк, а в это время дверь щелкнула и открылась, из желтушного общего этажа на меня бежал уже не один, а с десяток кроликов, но этого я и ждал.

Бросился на незваных гостей, раздавая удары направо и налево, пока меня не свалили с ног и я не почувствовал, как ужалили в руку.

Слава тебе, о снотворное, слава тебе, темнота!

Уважаемые петербуржцы и гости города!

Пляж. Я снова лежу на теплом песке вместо пропотевшей постели. Легкие лучи солнца касаются кожи. А соленые волны медленно слизывают ее лицо, ее губы, глаза, очертания теряют узнаваемость, постепенно трудно вообще понять, что это было.

«Не пригодится!»

Щелкнул выключатель, я остался в темноте один. Слава богу, что я здесь один. Наконец-то полностью изолирован.

В краешек окна палаты мне виден только небольшой, изрезанный линиями кусок города.

Соблюдайте режим самоизоляции, не забывайте проветривать помещения, при признаках недомогания вызывайте врача.

Сам человек потерялся среди домов и надгробий. И исчез.

...В случае нарушения режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной.

«КОММИТЕТ»

Много есть властных кабинетов в стране. Есть кабинеты БОЛЬШИЕ, а есть крошечные. Есть кабинеты с внушительными чиновниками внутри, а есть с не внушительными. Есть женщины-чиновники и мужчины-чиновники, полиция и молодежные дома, образование и прокуратура, финансисты, экономисты и просто потерявшиеся в системе взаимодействия властей предрержащих люди.

Среди всего этого разнообразия затерялся один комитет в одном городе. Был он вполне обычным по своей структуре: женщина-глава, имеющая недвижимости и машин на сумму во много раз больше всех заработанных денег, заместители Коровкин

и Быковский, которые вечно бодались между собой. И вдобавок орава сотрудников — в каждом отделе своя. Вроде все как в нормальной конторе: воруют, мало делают, выясняют отношения, интригуют.

Мальчик Артур, как и все, ехал на работу. Но мальчик Артур был необычным, хотя бы потому, что он смог устроиться работать во власть. Читатель, пожалуй, сам хорошо знает, как трудно начать работать на государственной службе и помогать орлу в его орлиных делах. От размышлений Артура оторвало объявление остановки: «Остановка „Улица Пульская“». Волна людей выбежала из автобуса. Самой активной, как всегда, была бабушка, расталкивающая всех руками. Возле двери висела табличка «Администрация Города N: комитет по связям с божественностью».

Для Артура с первого дня работы самой неразрешимой загадкой стала вторая «м» в слове «комитет». Но все, у кого бы он ни спросил — от заместителей главы комитета до охранника — ничего ответить не могли, повторяя как один, что так было всегда.

Проходная, охранник, турникет. Минувя все это, Артур думал, что наличие турникета и невозможность для постороннего человека, какого-то простолюдина, просто войти в здание является высшей прерогативой государственного служащего. Возможно, что, отгородившиеся от всего мира, они, чиновники, таким образом показывают свое право принимать решения о жизни прочих людей, и никто им помешать не может.

Окутанный подобными мыслями, Артур дошел до своего офиса, привычным жестом нашупал ключ в кармане, открыл дверь и вошел внутрь.

Привычный офис, запыленный компьютер, лучики света в окне, пара конфет на столе, куча бумаг. Раньше люди строили пирамиды, а теперь перебирают бумажки: кто-то отчеты, кто-то деньги, кто-то обертки. И самое ужасное, что ни первые, ни вторые, ни третьи друг друга никогда не поймут и даже из чувства человеколюбия не попробуют помочь — каждый продолжит теревить свои бумажки.

Развивая мысль о власти бумаги над человеком, Артур привычно включил компьютер, посмотрел список дел, глянул в список под модным словом «ДЕДЛАЙН», плюнул на все это и зашел на свою страничку в социальной сети.

Прошло часа полтора, может, два, как в дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в кабинет вошел небольшого роста мужчина с черными волосами, в дорогом костюме, загорелый, с красивыми чертами лица. На лбу виднелись два небольших рога.

— Турик, — панибратски обратился вошедший.

— Да, Черт Борисович.

— Турик, слушай, короче, там важные гости, а людей сегодня свободных мало. Посиди минуток двадцать рядом со мной с умным лицом — типа помощник. Одному на встречу как-то не комильфо.

— Ну не знаю, у меня дел ... — не успел договорить Артур.

— Какие дела?

— А вот, — «Турик» оторвал «ДЕДЛАЙН» и показал Черту.

— Не бойсь, спущу себе в отдел — сделают.

— Ну ладно, — немного обреченно ответил Артур и, закрыв кабинет, пошел вместе с Чертом по коридору.

Черт Борисович был странной фигурой в комитете — тем самым человеком, которого знают все, но откуда и как он попал сюда, не знает никто. Сам он был, судя по имени, не от мира сего, а проще говоря, чертом — самым натуральным, с рогами и хвостом. Никто не знал, был ли Черт сотрудником комитета, но отдел свой возглавлял и в принципе курировал сатанизм.

В этот же момент Черт остановился, дернул рукой и глянул на дорогие часы:

— У нас еще есть пара минут. Перекурим?

Турик молча кивнул

Они вернулись к турникету, вышли на улицу. Черт достал из кармана коробку дорогих сигарет и протянул ее новоиспеченному помощнику.

Закурили.

— Черт Борисович, а что за скандал с отделом буддизма?

— Да что, и так отдел проблемный. То их ФСКН ловит, то таможня из-за контрабанды паленого тибетского самогона, а теперь ради премии перестарались, и весь отдел в нирвану укатил. Фиг их найдешь.

— И что делать?

— Да что, Ольга Диогеновна новых сотрудников набирает, но сам понимаешь, тупые они откровенно, — он затынулся, — образование непрофильное. А ей еще и знакомых подсовывают, дескать, устрой того, устрой сего, а в буддизм кого угодно не устрой — это тебе не по экономическому развитию или инвестициям. Тут голова нужна, с мозгами желательнее.

— Так и что?

— Ну пока формируем из индуистов, не справляются, правда. Ладно, — он швырнул окурок прямо себе под ноги, — пойдём.

Встреча проходила на высшем уровне, но была до ужаса скучной и унылой. Как всегда, в комитет пришел очередной высокопоставленный. На этот раз то ли министр, то ли олигарх. В стране Артура эти две категории пересекались. Разговор, как всегда, шел про душу. Как любому человеку, облеченному деньгами и властью, ему была уготована дорога в ад, но отправляться туда не хотелось. Ради таких не покладая рук работала команда профессионалов, которая выбивала любое необходимое место в загробном мире. Чем сейчас Черт Борисович и занимался, сидя напротив напоминающего не то бегемота, не то мамонта, не то свинью, скрещенную с орком, человека, окруженного одинаковыми спокойными охранниками и не менее одинаковыми худыми, ерзающими юристами.

— Итак, уважаемый N, — высокопарно произнес Черт, — давайте пройдемся сначала по вашим грехам, чтобы точно понять, что туда, — он поднял пальцем вверх, — не попадете.

— А это кто? — не менее высокопарно спросил олигархминистр, указав на Артура.

— Это мой помощник.

— Ну ладно... — сказал министроолигарх. И начал рассказывать такое, от чего у Артура, если бы у него были длинные волосы, они бы непременно встали дыбом, а так его короткая стрижка лишь зашевелилась, как черепаха на легком солнышке. В рассказе олимистра или министарха присутствовало все: педофилия, насилие, убийства, воровство, кражи, присвоение, растление, не говоря уже о чревоугодии и гордыне.

Когда олимистр закончил, Черт захлопал и пожал ему руку.

— N, я уже думал, что таких людей нет, что все стали морализаторами, а оно вона как! Столько всего! Приятно иметь дело с таким человеком. Но в рай вы не попадете, даже в чистилище не пройдете. Могу предложить комфортабельные места в аду.

— И что туда входит?

— Отдельный котел-джакузи, рядом с блудницами, можно выбрать место рядом с коллегами. Кондиционер, отдельное меню, набор пыток «лайт». В выходные экскурсии в чистилище, к слову.

— Цена вопроса?

Черт Борисович протянул ему листочек.

Минитарх посмотрел на него, протянул тонким змеевидным юристам, которые переглянулись, а потом проникновенно посмотрели на хозяина.

— Приемлемо, — ответил N.

Они подписали бумаги. Пожали руки. Минитарх вместо со свитой вышел на улицу и сел в дорогую, но отвратительную на вид машину.

Уехал.

— Красота, — сказал Черт Борисович, глядя из окна вслед уезжающему клиенту. А потом резко перевел тему, обращаясь к «помощнику»:

— Ты на корпоратив идешь?

— На какой?

— У Коровкина сегодня день рождения. Проставляется, — ответил Черт, так же бесстрастно глядя в окно.

— Так он никогда раньше не...

— ...Не праздновал, да, но вот решил. Сначала звал ограниченный круг, но негласно могут прийти все. Только подарок надо искать.

После новости о дне рождения Коровкина весь остаток рабочего дня комитет занимался поиском подарков. Из отдела шаманизма бежали к иудаистам, а те в свою очередь неслись к тенгрианству, оттуда в бухгалтерию, юридический отдел: и все советовались, скидывались, искали и выбирали подарки для зама. Даже Быковский что-то заказал в Интернете.

Корпоратив был как всегда: сняли внушительный ресторан, столы ломились от закуски, бутылки заманчиво поглядывали пустыми горлышками. Играла обычная для корпоратива музыка, выступал классический для таких случаев выхолощенный, вылизанный ведущий.

Конкурсы, выпили, потанцевали, еще конкурсы, выпили, потанцевали, еще-еще. Чиновники жгли, все вокруг перемешалось: юристы с индустриями, бухгалтерия с отделом кадров. Черт Борисович спел Коровкину песню, а после подарил новый айфон. Тогда все стали дарить подарки — ненужные статуэтки, аксессуары для автомобиля, купоны и скидочные карты, сертификаты, книги, картины, модели кораблей, бутылки вина, штопоры. Когда Артур вышел покурить, Черт Борисович, уже податый и с помадой на щеке, подошел к нему:

— Турик, вроде секретарша наша на тебя поглядывает.

— Да бросьте.

— Слушай, пожалеешь, — он многозначительно подмигнул и, бросив бычок под ноги, ушел.

Секретарша и правда смотрела хищно. Турик пытался «подкатить» со всей своей способностью подкатывать, но из этого произошел лишь неудобный разговор с кучей хмыков.

* * *

После выходных комитет собирался вновь. Как разбежавшийся с поля боя полк, чиновники сходились под знамя на фасаде, невольно здороваясь друг с другом.

В тот же день они обслужили еще нескольких олигархов и двух высокопоставленных чиновников — с некоторыми договорились о перерождении, другие согласились на принятие перед смертью новой религии, что должно было простить их прошлые грехи.

Работа кипела.

В середине дня кому-то из замов пришла в голову идея заменить табличку с ошибкой. Срочно выделили средства, заказали табличку, нашли подрядчика — именно в таком порядке. Табличку привезли, но не установили. Она лежала несколько недель на проходной, пока куда-то не пропала.

Пришел Быковский. Посмотрел, покачал головой.

— Да... пропала, — грустно сказал он и ушел обратно.

Работа кипела.